

Александр ГАЛИЧ

«Не грусти!
Я всего лишь
навек
уезжаю...»

...Есть у Александра Галича известная песня «Памяти Б. Л. Пастернака», песня провидческая, написанная в тот период истории, который стыдливо мы именуем «застойным». Почему провидческая? «Мы поименно вспомним всех, кто поднял руку...», — поет автор. Вспомним. Поименно. Прошли годы, и вот опубликована стенограмма заседания, на котором писатели ходатайствовали о лишении Пастернака советского гражданства. Стенограмма, в которой все названы поименно...

Вся эта песня каким-то удивительным образом проецируется на судьбу Галича. Вспомним автобиографическую повесть Галича «Генеральная репетиция», в которой он рассказывает и о своем исключении. Где они, Лесючевские, Грибачевы, Медниковы, те, кто исключал Галича из Союза писателей? А Галич все же вернулся. Вернулся вопреки им. Пусть уже и после своей физической смерти. Мы имеем сейчас возможность читать то, что он всегда хотел увидеть напечатанным у себя на родине. Не увидел.

Известный драматург, автор сценариев популярных фильмов, Александр Галич оказался прежде всего поэтом. Не к прозе пришел он с годами, как это обычно бывает, а именно к поэзии — самому трудному, самому высокому жанру литературы.

Мир песен Галича фантастичен, но тем не менее чрезвычайно узнаваем. Герои его — Танечки и Леночки, Клим Петрович Коломийцев с семейством, многие другие — это те самые люди, которые живут рядом с нами. Галич, может быть, один из первых, кто обратил внимание на всю ненормальность жизни, которым жила в те годы советское общество. Во время одной из последних бесед на родине он вспоминал: «Мне все-таки уже было под 50. Я уже все видел. Я уже был благополучным сценаристом, благополучным драматургом... И я понял, что я так больше не могу, что я должен наконец-то заговорить в полный голос, заговорить правду». Слова эти опубликованы в «Правде» в прошлом году его дочерью А. Архангельской (Галич).

В его песнях легко найти переключку с рассказами Зошенко (ему посвящена песня «На сопках Маньчжурии»). Он продолжатель зощенковской традиции, но не в прозе, а в поэзии. При более вдумчивом чтении его стихов можно обнаружить переключку и с колымскими рассказами Варлама Шаламова, с которым он был дружен, с Ахматовой, с Блоком... Это неудивительно. Большие писатели, как большие материки — их омывают одни и те же воды...

Вплоть до 1971 года Александр Галич оставался вполне преуспевающим писателем, чьи пьесы шли в театрах, чьи фильмы получали премии. Полным ходом шла работа над сценарием художественной ленты «Федор Шалапин», которую собирался снимать Марк Донской. Но мог ли Галич оставаться Галичем без песен? Что толкало его к беде, к неустойчивости, к бездомности? Судьба?.. Призвание?..

В 1971-м его исключают из Союза писателей и Союза кинематографистов, ставят перед необходимостью выехать из страны. «Да нет, не может быть, — успокаивал он близких, — они до этого не дойдут...».

Потом были Норвегия, ФРГ, Франция. 15 декабря 1977 года в результате несчастного случая Александр Аркадьевич Галич умер в Париже. Сердце, перенесшее три инфаркта, не выдержало удара электрического тока. Похоронен он на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Рядом могилы Бунина, Тарковского, Виктора Некрасова...

Спустя одиннадцать лет по ходатайству дочери поэта он был посмертно восстановлен и в Союзе писателей, и в Союзе кинематографистов.

Эта публикация по композиции представляет собой как бы запись одного из концертов Галича. Не хватает лишь его голоса — умного, грустного, чуть-чуть глуховатого... Попробуйте этот голос представить. Александр ШАТАЛОВ.

Я СЕЙЧАС сочиняю цикл песен, который называется «Истории из жизни Клима Петровича Коломийцева — мастера цеха, кавалера многих орденов, члена бюро парткома и депутата горсовета». Первая песня о том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту жира.

У жене моей спросите, у Даши.
У сестре ее спросите, у Клави,
Ну, ни капельки я не был поддавши,
Разве только что — маленько —
с поправкой!
Я культурно проводил
воскресенье,
Я помылся и попарился в баньке,
А к обеду, как сошлась моя семья,
Начались у нас подначки да байки!
Только принял я грамм сто,
для почина
(Ну, не более, чем сто,
что б я помер!),
Видю — к дому подъезжает машина,
И гляжу — на ней обкомовский
номер!
Ну, я на крылечко — мол,
что за гость,
Кого привезли, не чеха ли?!
А там — порученец, чернильный
гвоздь,
«Сидай, — говорит, — поехали!».
Ну, ежели зовут меня,
То — майна-вира!
В ДК идет заутреня
В защиту мира!
И Первый там, и прочие —
из области.

Ну, сажусь я порученцу на ноги.
Он — листок мне,
Я и тут не перечу.
«Ознакомься, — говорит, —
по дороге
Со своею выдающейся речью!».
Ладно — мыслю — набивай себе
цену,
Я ж в зачтениях мастак, слава Богу!
Приезжаем, прохожу я на сцену,
И сажусь со всей культурностью
сбоку.
Вот моргает мне, гляжу,
председатель:
Мол, скажи свое рабочее слово!
Выхожу я,
И не дробно, как дятел,
А неспешно говорю и сурово:
«Израильская, — говорю, — военщина
Известна всему свету!
Как мать, — говорю, — и как
женщина
Требую их к ответу!
Который год я вдова,
Все счастье — мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира!
Как мать вам заявляю и
как женщина!..».

Тут отвисла у меня, прямо,
челюсть,
Ведь бывают же такие промашки! —
Этот сучий сын,
пижон-порученец,
Перепутал в суматохе бумажки!
И не знаю — продолжать или
кончить,
В зале, вроде, ни смешочков,
ни вою...
Первый тоже, вижу, рожи
не корчит —
А кивает мне своей головою!
Ну, и дал я тут галопом —
по фразам,
(Слава Богу, завсегда всё и то же!)
А как кончил —
Все захлопали разом,
Первый тоже — лично —
сдвинул ладоши.
Опосля зазвал в свою вотчину
И сказал при всем окружении:
«Хорошо, брат, ты им дал,
по-рабочему!
Очень верно осветил положение!..»
Такая вот история!

ВТОРАЯ песня из этого цикла называется «Плач Дарьи Коломийцевой по поводу запоя ее супруга — Клима Петровича».

...Ой, доля моя жалкая,
Родиться бы слепой!
Такая лета жаркая —
А он пошел в запой.
Вернусь я из магазина,
А он уже, блажной,
Поет про Стеньку
Разина
С персидского
княжной.
А жар — ну, прямо,
доменный,
Ну, прямо, градом пот.
А он, дурак
недобенный,
Сидит и водку пьет.
Ну, думаю я, думаю,
Болит от мыслей грудь:
— Не будь ты, Дарья,
дурюю —
Придумай
что-нибудь!

То охаю, то ахаю —
Спокоя нет как нет!
И вот —
Пошла я к знахарю,
И знахарь дал совет.
И в день воскресный,
в утречко,
Я тот совет творю:
Вплываю, словно
уточка,
И Климу говорю:
— Вставай, любезный-
суженый,
Уважь свой родный дом,
Вставай-давай,
поужинай,
Поправься перед
сном!
А что ему до времени?
Ему б нутро мочить!

Он белый свет
от тени
Не может отличить!
А я его, как милочка,
Под ручки —
под уздцы,
А на столе:
Бутылочка,
Грибочки, огурцы.
Ой, яблочки моченые
С обкомовской икрой,
Стаканчики граненые
С хрустальною игрой,
И ножички, и
вилочки —
Гуляйте, караси!
Но только в той
бутылочке
Не водка:
Ка-ра-син!

ПЕСНЯ называется «Салонный романс». Посвящается памяти Александра Николаевича ВЕРТИНСКОГО. Перед ней эпиграф — «...Мне снилось, что потом, в притонах Сан-Франциско, лиловый негр Вам подает манто».

И вновь эти вечные трое
Играют в преступную страсть,
И вновь эти греки из Трои
Стремятся Елену украсть.
А сердце сжимается больно,
Виски малярийно мокры
От этой игры треугольной,
Безвыигрышной игры.
Развей мою смуту жалейкой,
Где скрыты лады под корой,
И спой, как под старой
шинелькой
Лежал «сероглазый король».
В беспамятстве дедовских кресел
Глаза я закрою, и вот —

Из рыжей Бразилии крейсер
В кисейную гавань плывет.
А гавань созвездия множит,
А тучи — летучей грядой!
Но век не вмешаться не может,
А норов у века крутой!
Он судьбы смешает, как фанты,
Ему ералаш по душе,
И вот он вралья-лейтенанта
Назначит морским аташе.
На карте истории некто
Возникнет, подобно мазку,
И правнук «лилового негра»
За займом приедет в Москву.
И все ему даст непременно

Тот некто, который никто,
И тихая «пани Ирэн»
Наденет на негра пальто.
И так этот мир разутюжен,
Что черта ли нам на рожон?!
Нам «ужин прощальный» — не ужин,
А сто пятьдесят под боржом.
А трое? Ну, что же, что трое!
Им равное право дано.
А Троя? Разрушена Троя!
И это известно давно.
Все предано праху и тлену,
Ни дат не осталось, ни вех.
А нашу Елену — Елену
Не греки украли, а век!

А ПОСЛЕДНЯЯ «Песенка-молитва, которую надо прочесть перед самым отлетом».

Когда — под крылом — добежит
земля
К взлетному рубежу,
Зажмурь глаза и представь, что я
Рядом с тобой сижу.
Пилот на табло зажег огоньки,
Искусственную зарю,
А я касаюсь твоей руки
И шепотом говорю:
— Помолитесь вместе, чтоб этот путь
Стал Божьей твоей судьбой.

Помолитесь тихо, чтоб где-нибудь
Нам свидеться вновь с тобой!
Я твердо верю, что будет так, —
Всей силой моей любви!
Твой каждый вздох и твой
каждый шаг,
Господи, благослови!
И слухам о смерти моей не верь —
Ее не допустит Бог!

Еще ты, я знаю, откроешь дверь
Однажды — на мой звонок!
Еще очистительная гроза
Подарит нам правды свет!
Да будет так!
И открой глаза:
Моя — на ладони твоей — слеза,
Но нет меня рядом, нет!
(Москва, 9 января 1972 г.).

Сегодня я собираюсь в дорогу — в дальнюю дорогу, трудную, извечно и изначально — горстную дорогу изгнания. Я уезжаю из Советского Союза, но не из России! Как бы напыщенно ни звучали эти слова — и даже пускай в разные годы многие повторяли их до меня, — но моя Россия остается со мной!

У моей России вывороченные негритянские губы, синие ногти и курчавые волосы — и от этой России меня отлучить нельзя, никакая сила не может заставить меня с нею расстаться, ибо родина для меня — это не географическое понятие, родина для меня — это и старая казачья колыбельная песня, которой убаюкивала меня моя еврейская мама, это прекрасные лица русских женщин — молодых и старых, это их руки, не ведающие усталости, — руки хирургов и подсобных работниц, это запахи — хвоя, дыма, воды, снега, это бессмертные слова:

Редает облаков летучая гряда!
Звезда вечерняя, печальная звезда —
Твой луч осеребрил уснувшие долины,
И дремлющий залив,
И спящих гор вершины...
И нельзя отлучить меня от России, у которой угрюмое мальчишеское лицо и прекрасные — печальные и нежные — глаза говорят, что предки этого мальчика были выходцами из Шотландии, а сейчас он лежит — убитый — и накрытый шинелькой — у подножия горы Машук, и неистовая гроза раскатывается над ним, и до самых своих последних дней я буду слышать его внезапный, уже смертный — уже оттуда — вздох.
Кто, где, когда может лишит меня этой России?!
(Из прозы А. Галича).
Публикация А. АРХАНГЕЛЬСКОЙ (ГАЛИЧ) и А. ШАТАЛОВА.